

Ночь опустилась на село одновременно с крупными белыми хлопьями снега. Были снежинки настолько крупные, что походили на начищенные гривенники.

Иван Васильевич Дудин вышел из переполненного автобуса и огляделся. Село не узнать. Лет пятнадцать назад он уехал отсюда и вот вернулся. Ростом он не высок, в потешном пальто, в шапке-ушанке. Седые виски, красивые синие глаза. Плечи покатые, будто их придавили нелегкие и немалые годы.

Иван девочку и посмотрел на нее.

— Из города.
— Хм... Знаю, что не с Луны.—засмеялся Иван Васильевич и посмотрел на девушку. Хорошенькое личико, глаза большие, с поволокой. «Умная».—отметил про себя Дудин и тут же подумал: «Вот бы женой ее сделать...»

Повез Нинку к самому дому и сказал ей чуть грубовато:

— Замуж пойдешь?
— Не смейтесь...—и исчезла в доме.

НОВОГОДНИЙ

ВИЗИТ

Снег скользил сверху бесшумно и упорно. Иван Васильевич вошел в небольшую будку, служившую пассажирам вокзалом. Вошел, прислонился к стене головой.

Ночь наступила удивительно теплая, тихая и какая-то торжественная. Иван Васильевич впервые за свои сорок пять лет так внимательно всматривался в новогоднюю ночь.

Где только ему ни пришлось встречать эти новогодние ночи!

На Камчатке, на Сахалине, на Севере, в Туле, под Москвой...

Нет, не перечислять всех пунктов, где любил. Иных мест и на карте не сыщешь днем с огнем. Думал он о том, где приходилось проводить новогодний праздник, а в голову лезло совсем другое: с кем проводил.

Эта мысль, цепкая, как прошлогодний репей, не покидала его вот уже несколько дней.

Раньше здесь Иван Васильевич работал шофером. Пришлось как-то из города подвезти ему Нинку Самохвалову. Девочка она была тихая, на танцы не ходила, только кино никогда не пропускала. Влезла в кабину, кинула взглядом в сторону Дудина и будто приросла к сиденью.

— Откуда едешь?—спросил

Дудин усмехнулся и включил скорость.

А через месяц им с Нинкой дали квартиру...

Потом жил с Евдокней. У Нинки родилась дочь. И как он ни просил ее избежать этого, ничего не получилось. Нинка, такая тихоня, здесь оказалась упрямой.

Из-за того же ушел он от Дуськи, высокой, красивой дивчины, похожей на цыганку.

— Поживем себе в утробу, а к старости видно будет,—говорит он тогда.

Красива Иван был неотразимо. Да вот покнужа его красота. Годы сделали свое дело.

Нине он платил, а Дуська от его денег отказалась наотрез. «Сама воспитаю. Катись ты...» Так и заявила, блеснув черными глазами...

В последние годы сердце ододела тоска. Покоя не может найти. Мысли нет-нет, да возвращались к родному уголку, где начал свою шоферскую деятельность. Часто перед мысленным взором асфальта дорога, вьющаяся меж пшеничных золотистых разливов, расплывающаяся курчавыми туманами, снежные горы...

В глубине души думалось о теплом уголке, о детинках... Но он не давал этому чувству развиться и заставлял себя всякий раз думать о дорогах, туманах, хлебах...

Снег не переставал валить. В рассеянном свете уличного фонаря снежинки играли впереворотки. Иван Васильевич вышел из будки. Куда идти? Где его примут? Но идти надо было.

В дверях магазина он столкнулся с женщиной и мужчиной. Они, нагруженные новогодними подарками, беспрестанно смеялись, глядя друг на друга. Дудин отступил в темноту и пропустил счастливую пару. Сердце бешено колотилось. Он узнал Нинку. Теперь это полная, еще красивее прежнего, женщина...

Две бутылки шампанского, бутылку коньяку, несколько плиток шоколада Иван Васильевич кое-как растолкал по карманам.

Медленно, очень медленно шагал он по улице. Хотя и торопился Новый год, и скоро стрелки застынут на цифре двенадцать, но Иван Васильевич не прибавлял шагу.

В каждом окне яркий свет. Он особенно яркий сегодня, в новогоднюю ночь. Но вот и знакомый дом. Над окнами висят мягкие снежные валы, как горюшки.

Во всех окнах горит ослепительный свет. Уже издали видно, что там много людей.

И опять защемило сердце болью, неуютностью, боязнью остаться вне этого дома. Там играла музыка, там танцевали, там веселились...

Иван Васильевич почти бежал по улице. Он уже не видел снега, великопеленной ночи. Он бежал от знакомого дома. Он боялся своим появлением нарушить чужое, не его, счастье.

Ему хотелось одного: найти комнату заезжих.

П. ШМАКОВ.

Редактор П. П. КОЗЛОВ.

Л написан

сомнения: «Вот зайдет кто-нибудь из работников редакции и скажет: пренебрежи ты и с твоим «Шаблон!» Мысль, как молоток в жаркий день, сверчивается.

Переключаюсь на бытовое обслуживание, не с точки зрения какого-то там критиканства, а с точки зрения разумной критики и похвалы. И опять грызет сомнение: «Понравится ли моим строгим ценителям? Понравится ли? Ведь могут они сказать, что это не существенно, не действительно».

И тогда я начинаю думать об одной силе обстоятельств белой семье. Семье, в которой много нетрудового населения, а работница-кормилица одна—мать. И что в эту самую семью, как раз под Новый год, пришло счастье в виде добродетельного, чуткого, облеченного профсоюзной и советской властью, человека, который помогает изжить материальные затруднения, и все само собой устраивается.

А в голове опять-таки ерзают сомнения. Во-первых, об этом кто-то из писателей и кажется.

Дудрин, уже сказал. Во-вторых, случаи неустроенности всерьез нетипичны для нашей действительности и являют собой исключительную редкость. В-третьих, зачем омрачать новогодние торжества читателю? И я перебрал еще с десяток вариантов различных известных мне жизненных коллизий, прихожу к редактору и покорнейше прошу:

— Поручите написать фельетон тому, у кого более пылкая фантазия и острее перо.

Редактор изумленно и так сердито смотрит на меня, что думается, что за неисполнение задания ничего, кроме выговора, я не получу.

Впрочем, думается. А кто его знает? М. ТРОФИМОВ.

// Ленинское знамя, 1966, 1 января, с. 4.